Плохова В.И. ♦

Содержательные условия правомерного ограничения прав и свобод человека в уголовной сфере (общие вопросы)

Аннотация: Выделяются такие обобщенные критерии содержательной обоснованности закона и другого средства ограничения прав человека, как их соответствие общепризнанным принципам и нормам международного права, закрепление в Конституции РФ условий правомерности при вмешательстве в права (ограничении прав), преломление их в отраслевом законодательстве и правоприменительной деятельности (условно-правовая обоснованность).

На основании анализа международных документов, прецедентной практики Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, ЕСПЧ, юридической литературы называются отчасти конкретизированные содержательные критерии правомерного ограничения прав человека на национальном уровне. Применительно к теме исследования это соблюдение содержательных условий правомерного ограничения прав человека, в том числе необходимого в демократическом обществе ограничения.

Показывается их соотношение с принципом верховенства права.

Толкуются показатели (составляющие) критерия «необходимое в демократическом обществе ограничение»: оно должно быть вызвано социальной или общественной необходимостью, соответствовать цели, быть соразмерным ей. Соразмерность, кроме необходимости или минимальности средства ограничения, предусматривает его пригодность и сбалансированность интересов.

Доказывается, что содержательные конституционные требования к

♦ **Плохова Валентина Ивановна** - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Новосибирского национального исследовательского государственного университета, г. Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: VPlohova@yandex.ru.

средству ограничения прав должны соблюдаться как на внутриотраслевом, так и на разно- отраслевом уровне; при выборе средств и способов ограничения прав законодатель и правоприменитель также должны учитывать сложившуюся в России отраслевую систему правового регулирования и общие принципы соответствующей отрасли права.

Кроме того, содержательные требования к средству ограничения прав обязывают законодателя и правоприменителя проводить не только социальную, криминологическую экспертизу любых нормативных правовых актов, тем более изменений УК РФ как до их введения, так и после, но и экспертизу их соответствия условиям правомерного ограничения прав человека, особенно содержательным.

Ключевые слова: содержательные условия; правомерное ограничение; права; уголовный закон; Конституция РФ; правоприменение; верховенство права; необходимое ограничение прав; минимальное ограничение прав; соразмерное ограничение прав; пригодное средство ограничения прав; сбалансированное средство ограничения прав.

Актуальность исследования содержательных условий правомерного ограничения прав человека в уголовной сфере детерминирована их определяющей ролью в сравнении с формальными. Соблюдение формальных условий правомерного ограничения прав человека (доступность, определенность, ясность, конкретность, стабильность закона) является средством достижения промежуточной цели - возможности предвидения, прогнозирования последствий ограничения прав. Однако если соблюдены все формальные показатели (условия) правомерного ограничения прав, но не выдержаны содержательные, например закон не обоснован, ограничение несоразмерно законным целям, то оно не является необходимым в демократическом обществе, значит, неправомерно. Между тем многие содержательные условия правомерного ограничения прав человека прямо не

названы в Конституции РФ; в решениях Конституционного Суда РФ, Европейского суда по правам человека, постановлении ПВС РФ от 27 июня 2013 г. № 21[1] обозначаются разными терминами[2]; неоднозначно определяются в юридической литературе, а некоторые и вовсе не признаются, что свидетельствует о недостаточной их разработанности.

Кроме того, происходящее в России реформирование правовой системы должно осуществляться при соблюдении условий правомерного ограничения прав человека. Для уголовного и административного права соблюдение данного требования особенно важно, так как в нормах этих отраслей права содержатся самые суровые меры ответственности; в последнее десятилетие происходит их активное неоднократное, но не всегда последовательное и обоснованное изменение, в связи с чем ставится вопрос о раз- работке новых УК, КоАП РФ. Поэтому задачей данного исследования является выделение, перечисление, характеристика наиболее важных и сложных содержательных условий правомерного ограничения прав человека, анализ соотношения их между собой, с принципом верховенства права с учетом современного уровня разработки этой проблемы, а также правовых позиций Конституционного Суда РФ, ЕСПЧ, постановления ПВС РФ от 27 июня 2013 г. № 21.

Конституция РФ, ЕКПЧ предъявляют определенные требования к содержанию, качеству (свойствам) средства (закона, иного нормативного правового акта, правоприменительного решения, деяния, мероприятия), на основании которого ограничиваются права и основные свободы человека. Одним из требований является его обоснованность, причем как на норматив- ном (правоустанавливающем), так и на правоприменительном уровне. Во многих исследованиях, некоторых международных документах, посвященных

[1] О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней : постановление Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. № 21 // Российская газета. 2013. 5 июля.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» в связи с запросом группы депутатов ГД РФ и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова называет девять содержательных требований к ограничению прав человека (постановление Конституционного Суда РФ от 30 окт. 2003 г. № 15-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 44. Ст. 4358).

этому вопросу, отмечается, что вмешательство в права должно быть основано на правовом законе. Под правовым подразумевается закон, соответствующий Конституции, общепризнанным принципам и нормам международного права, принципу международного и внутригосударственного права - верховенства права. Точнее, правовой закон рассматривается как один из элементов принципа верховенства права, правового государства.

Несмотря на то что в современной нормативной базе (ни на национальном, ни на международном уровне), в юридической литературе не выработано единых понятий принципа верховенства права, правового закона, тем не менее в международных документах, российской и зарубежной литературе, материалах международных организаций называются как их сущностные, общие признаки, так и конкретные разнообразные составляющие, правда, по-разному именуемые. Так, в докладе о верховенстве права, утвержденном Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25-26 марта 2011 г.), предложено, по мнению докладчиков, наиболее приемлемое определение понятия верховенства права и предпринята попытка «найти консенсус в отношении необходимых составляющих верховенства права, а также правового государства, которые будут не только формальными, но и субстантивными или материальными»[3]. Главные аспекты понятия верховенства права, по мнению авторов доклада, состоят в следующем: «Все лица и власти в государстве, будь то публичные или частные, должны быть связаны и иметь право пользоваться законами, публично принятыми, относящимися (в целом) к будущему и публично исполняемыми в судах» (п. 36). В докладе также предложено шесть составляющих принципа верховенства права: 1) законность, в том числе прозрачный, подотчетный и демократический процесс принятия законодательства; 2) правовая определенность (в широком смысле этого слова)[4]

[3] Доклад о верховенстве права, утвержденный Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25–26 марта 2011 г.) на основе комментариев Питера ван Дэйка (члена Комиссии, Нидерланды), Греты Халлер (члена Комиссии, Швейцария), Джефри Джоуэла (члена Комиссии, Соединенное Королевство), Каарло Туори (члена комиссии, Финляндия). URL: http:// www.venice.coe.int.

[4] Leyla Sahin v. Turkey: European Court of Human Rights› Judgment of November 10, 2005 (§ 88) // European Court of Human Rights› Official Database «HUDOC». URL: http://www.hudoc.echr.coe.int.

[1; 2]); 3) запрет на произвол; 4) доступ к правосудию, обеспечиваемому независимыми и беспристрастными судами, в том числе судебное рассмотрение административных актов; 5) соблюдение прав человека; 6) недискриминация и равенство перед законом[5]. В нем они кратко характеризуются, детализируются, в том числе в контрольном списке вопросов для оценки состояния верховенства права в отдельном государстве применительно к каждому из шести элементов верховенства права. Так, для законности (первой составляющей принципа верховенства права) отмечается важность соблюдения принципа законности, означающего, что законы и международные договоры должны исполняться, нарушение их должно наказываться. Определенность, кроме требований доступности, ясности, стабильности закона, обеспечивающих предсказуемость последствий ограничения прав, подразумевает необходимость установления в законе пределов усмотрения государства при осуществлении прав и основных свобод; последовательность прецедентной практики, исполнение окончательных постановлений суда; запрет на обратное действие норм. В качестве показателей соблюдения принципа верховенства права в государстве часто называются такие: существуют ли ограничения в отношении свободы усмотрения государства при вмешательстве в права и основные свободы человека, имеются ли внутренние нормы, обеспечивающие соблюдение государством норм международного права, проводится ли на регулярной основе оценка законодательства (причем до его принятия и после), применимо ли законодательство, имеется ли независимая эффективная судебная власть. Эти положения содержатся в решениях (и выводятся из решений) ЕСПЧ. Из их анализа следует, что в содержание этого принципа входят как формальные, в том числе процессуальные, так и содержательные требования к средствам ограничения прав человека. Многие из них сформулированы также в

[5] Проект World Justice Project публикует ежегодный индекс по странам мира, который включает восемь показателей для измерения уровня верховенства права: ограничение власти государства, отсутствие коррупции, порядок и безопасность, фундаментальные права, открытость правительства, правоприменение, гражданское правосудие, уголовное правосудие. URL: https://www.google.ru/?gws_rd=ssl#newwindow=1&q=RuleofLawIndex.+TheWorldJusticeProject%3F.

обобщенном виде: необходимы правовые основания для вмешательства в права, должны быть предусмотрены меры правовой защиты от необоснованного, чрезмерного вмешательства в права государственных органов, четко установлены пределы вмешательства, разработаны эффективные средства защиты, контроля со стороны судебных органов, предусмотрено право на судебное обжалование [3, с. 129]. Особенно делается акцент на том, что средства ограничения прав должны быть правовыми [4, с. 218, 516; 5].

Названные в алгоритме оценки государств с точки зрения соблюдения в них принципа верховенства права, содержащиеся в решениях ЕСПЧ, такие положения, как: 1) закон должен соответствовать общепризнанным принципам и нормам международного права, средства ограничения прав человека должны быть правовыми, необходимы правовые основания для вмешательства в права; 2) наличие норм, ограничивающих свободу усмотрения государства при вмешательстве в права человека, их ограничении, определяющих пределы такого усмотрения, а также гарантий их соблюдения (должны быть предусмотрены меры правовой защиты от необоснованного, чрезмерного вмешательства в права государственных органов, четко определены пределы вмешательства, предусмотрены эффективные средства защиты), показывают путь дальнейшего исследования: требуется определить, как эти нормы закреплены в Конституции РФ, преломлены (применительно к нашему аспекту исследования) в уголовной политике, отраслевом (УК РФ) законодательстве, правоприменении. Нельзя не отметить, что, несмотря на то, что нормы, ограничивающие свободу усмотрения государства при вмешательстве в права, предусмотрены международным правом, в силу важности соблюдения пределов ограничения прав человека, субсидиарности норм международного права выдвигается второе требование к правовой системе государства - наличие норм, ограничивающих свободу усмотрения при вмешательстве в права, гарантий их соблюдения.

Эти общие положения вытекают из той роли, которую международные документы, российские и зарубежные авторы отводят принципу верховенства права[6] [6]. Соблюдение данного принципа рассматривается в качестве гарантии недопущения злоупотребления властью и произвола, ограниченности политики сиюминутными краткосрочными интересами [7, с. 262; 8]. ООН рассматривает верховенство права как концепцию управления; кроме требований определенности закона, называет требования соответствия его международным стандартам и нормам в области прав человека, приоритета права, недопущения произвола [9, с. 77] (требования к качеству закона). Суть данного принципа на любом уровне В.Д. Зорькин видит в том, что это - «принцип приоритета прав человека, которым должно руководствоваться современное демократическое государство в своей правотворческой и правоприменительной деятельности. Применительно к внутреннему праву верховенство права предстает как верховенство правового закона (т.е. закона, гарантирующего права человека), если слово «закон» употреблять в широком смысле, имея в виду и нормативный акт, и судебный прецедент» (здесь и далее в цитатах курсив наш. - В. П.) [10, с. 397; 11, с. 31].

Отсюда в качестве первого обобщенного критерия содержательной обоснованности закона и другого средства ограничения прав человека на международном уровне принцип верховенства права предполагает его соответствие общепризнанным принципам и нормам международного права; в качестве второго, отчасти конкретизирующего первый, закрепление в Конституции РФ условий правомерности при вмешательстве в права (ограничении прав), преломление их в отраслевом законодательстве и правоприменительной деятельности (условно-правовая обоснованность).

Для того чтобы исследовать (оценить) правомерность ограничения прав человека уголовно-правовыми средствами в России, т.е. на национальном уровне (конечная цель нашего исследования), необходимо определить, как

---

[6] Декларация совещания Генеральной Ассамблеи по вопросу о верховенстве права на национальном и международном уровнях : принята 24 сент. 2012 г. URL: http://www.un.org/ru.

названные и другие положения принципа верховенства права, признаки правового закона закреплены в Конституции РФ, УК РФ, КоАП РФ и претворены в деятельности правоприменительных органов. Соблюдение условий право- мерности ограничения прав человека на национальном уровне оценивается Конституционным Судом РФ, на глобальном - и ЕСПЧ. Отсюда обобщенные и конкретные признаки (составляющие) принципа верховенства права, правового закона на национальном уровне называются в Конституции РФ, международных документах, конкретизируются (отчасти раскрываются) в решениях ЕСПЧ, КС РФ, интерпретируются в юридической литературе.

Так, применительно к ст. 5 ЕКПЧ «законный характер заключения под стражу» предполагает, согласно позиции суда, соблюдение как процессуальных, так и материальных норм. Кроме того, для соблюдения принципа верховенства права любое лишение свободы должно соответствовать целям, названным в этой статье ЕКПЧ; никакое основанное на не правовом законе произвольное задержание не может считаться законным. Гарантией соблюдения принципа верховенства права являются положения ст. 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод: «Никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое согласно действующему в момент совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления». Причем в этой статье не только содержится, судя по решениям Европейского суда, запрет на придание закону обратной силы, но и в более общем плане утверждается принцип законодательной регламентации преступлений и наказаний, а также запрет на расширительное толкование уголовного закона во вред обвиняемому, в частности на его применение по аналогии. Это предполагает, что элементы, образующие состав преступления, не могут быть существенно изменены судебной практикой, однако допустимы уточнения предусмотренных

элементов состава преступления и их адаптация к новым условиям, которые раз- умно вкладываются в изначальную концепцию преступления, чтобы были разумно предсказуемы результаты преступления. Установление пределов преступного - непреступного Конвенция оставляет за национальным государством. Также на усмотрение национальных государств Конвенция оставляет не только содержание уголовно-правовых норм, но и соразмерность преступления установленным санкциям. Однако другими положениями этой и иных конвенций Совета Европы предполагается проверка такого соответствия, в том числе пределов ограничения основных прав и свобод человека и гражданина.

Часть 2 ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующая каждому право свободно выражать свое мнение, а также получать и распространять информацию и идеи, в качестве предела его ограничения называет необходимость такого ограничения в демократическом обществе для достижения законных целей. «Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Даже такое краткое изложение международных документов и практики ЕСПЧ применительно к нашему уголовному срезу позволяет увидеть как конкретизирующее формальный критерий положение - запрет на расширительное толкование норм, так и конкретные, правда, недостаточно ясные содержательные показатели правомерного ограничения прав человека -

соответствие законным целям, соблюдение пределов, необходимое в демократическом обществе.

В правоприменительной деятельности КС РФ, в исследованиях российских и зарубежных авторов последнего времени принцип верховенства права рассматривается как субпринцип правового государства[7] [6; 12–14]. Дело в том, что принцип верховенства права прямо не закреплен в Конституции РФ, тогда как в ст. 1, 2 Конституции названы признаки правового государства, в основе которого лежат многие сущностные положения принципа верховенства права. Конституционный Суд РФ неоднократно называл в качестве важнейших принципов правового государства многие характеристики принципа верховенства права: верховенство Конституции Российской Федерации и законов, равенство и справедливость; определенность, ясность, недвусмысленность правовых норм, их согласованность с системой действующего правового регулирования и др. (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2004 г. № 7-П, от 31 мая 2005 г. № 6-П и от 18 июля 2008 г. и др.). Кроме того, многие положения этого принципа содержатся и в других конституционных нормах, например в ст. 55 УК РФ и др. Представляется также, что незыблемым останется (несмотря на непростую международную обстановку) и конституционное положение о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права, подписанные Россией международные договоры, практика их толкования ЕСПЧ, касающиеся прав человека, входят в правовую систему России. Отсюда верховенством Конституции РФ определяется обязанность соблюдать принцип верховенства права, в том числе условия правомерного ограничения прав человека при формулировании и применении деликтного законодательства: оно основывается на Конституции РФ [15; 16; 17, с. 132].

Суды России, по заключению судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиева, спустя десять лет после подписания Европейской конвенции о

[7] Bundesverfassungsgericht (2006), 2 BvF 3/03. vom 19.10.2006, Absatz-Nr. 198. URL: www.bverfg.de/ entscheidungen.

защите прав человека стали первыми толковать элементы верховенства права практически без участия законодателя. Верховенство закона стало заменяться верховенством права [18, с. 223]. Этому поспособствовали известные постановления ПВС РФ, в том числе постановление от 27 июня 2013 г. № 21.

Отсюда первый (правовой) критерий обоснованности деликтного законодательства и его применения на национальном уровне можно сформулировать как его соответствие Конституции РФ, общепризнанным принципам и нормам международного права, подписанным Россией международным договорам, правовым позициям ЕСПЧ, Конституционного Суда РФ.

Составляющие принципа верховенства права, их соотношение с принципами правового государства (некоторые авторы употребляют эти понятия как равнозначные) более пяти лет обсуждаются российскими и зарубежными учеными, в том числе правоприменителями, на площадке Конституционного Суда РФ. Как зарубежные, так и российские авторы называют разное их количество (6, 14), они переплетаются, некоторые из них недостаточно определенны, но все же помогают в определении этого сложного принципа [7, с. 262; 8]. Большинство из них формальные, процессуальные. К содержательным можно отнести, например, идентичное положениям международных договоров требование соразмерности ограничения целям вводимых ограничений, а также требование правомерных ожиданий, реальной актуальности и важности защищаемых интересов.

В.А. Виноградов, проанализировав 200 постановлений КС РФ, в которых толкуются признаки правового государства (верховенство права им рассматривается как равнозначное), называет следующие, кроме формальных, условия правомерного ограничения прав человека: согласованность с действующей системой правового регулирования, справедливость (называется и многими другими авторами), гарантия и защита прав, соразмерность, рациональность при осуществлении государственной власти, недопущение

чрезмерных ограничений, т.е. не соответствующих целям ограничений. Отступление от прав не должно быть произвольным, затрагивать их существо. «Такие отступления должны отвечать требованиям справедливости, должны быть адекватными, соразмерны и необходимы для защиты конституционно значимых ценностей, не затрагивать существо соответствующих конституционных прав, т.е. не ограничивать пределы и применение основного содержания закрепляющих эти права конституционных положений, и могут быть оправданы необходимостью обеспечения указанных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ целей…» [19, с. 380, 383].

Повышенное внимание КС отводит соблюдению условий правомерного ограничения прав человека при установлении юридической ответственности, ибо она напрямую затрагивает права и свободы граждан и юридических лиц: справедливость, соразмерность, неотвратимость, правовая безопасность[8]. Из принципов правового государства КС РФ назвал (кроме неоднократно называемых формальных требований - определенность, ясность, недвусмысленность правовой нормы) целый ряд содержательных требований к внутриотраслевому и разноотраслевому регулированию, к средствам и способам правового регулирования. В первую очередь необходимо согласование нормы с системой действующего правового регулирования. При выборе средств и способов ограничения прав федеральный законодатель должен учитывать сложившуюся в России отраслевую систему правового регулирования и общие принципы соответствующей отрасли права. Разноотраслевое регулирование должно также основываться на конституционных принципах справедливости, юридического равенства, пропорциональности и соразмерности вводимых мер конституционно значимым целям и их согласованности с системой действующего правового регулирования [19, с. 394].

---

[8] Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30, ч. 2. Ст. 3200 ; По- становление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2009 г. № 9-П // Там же. 2009. № 27. Ст. 3382.

Следовательно, принцип верховенства права - емкое понятие. Отсюда не случайно, что отдельные элементы данного принципа применяются ЕСПЧ и Конституционным Судом РФ в качестве самостоятельного критерия законности, определенности и других как формальных, так и содержательных, процессуальных критериев правомерного ограничения прав человека (в данном исследовании речь идет в основном о содержательной, материально-правовой стороне вопроса). На международном уровне акцент сделан на процессуальные обязательства государства при вмешательстве в права и основные свободы, на исполнение законов, на закрепление в законе и осуществление гарантий соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права, соблюдения прав и основных свобод человека и гражданина.

Очевидно также, что на сегодняшний день по правовым позициям ЕСПЧ, Конституционного Суда РФ все больше утверждается содержательная концепция: не любой закон должен лежать в основе ограничения прав человека, а правовой, обоснованный. Это подтверждается и теорией, и практикой.

Вторым обобщенным критерием обоснованности закона, в том числе УК РФ, его применения на национальном уровне является соблюдение содержательных условий правомерного ограничения прав человека. Он характеризуется рядом требований к средству (мероприятию), ограничивающему права, к ответственности на отраслевом и межотраслевом уровнях. Они (требования) обозначаются разными терминами, сочетанием их, часто используется такое оценочное понятие, как необходимое в демократическом обществе ограничение. В связи с этим важно определить их содержание, тем более что необходимое в демократическом обществе ограничение названо, но недостаточно полно раскрыто в постановлении ПВС РФ от 27 июня 2013 г. № 21.

Понятие «ограничение, необходимое в демократическом обществе» употребляется в решениях ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ как в обобщенном виде, так и в виде конкретных его составляющих, их сочетания:

необходимость такого ограничения в демократическом обществе для достижения законных целей, соразмерность ограничения законным целям. Анализ международных договоров, решений ЕСПЧ, Конституционного Суда, юридической литературы позволяет сделать вывод, что отдельными требованиями (составляющими) обобщенного понятия «необходимое в демократическом обществе ограничение» являются: 1) вызванное социальной и общественной необходимостью; 2) преследующее законную цель; 3) соразмерное такой цели [19]. Кроме того, многие другие показатели, по нашему мнению, раскрывают эту необходимость, только с разных позиций. Критерий соразмерности, например, кроме соответствия средства ограничения социальным отношениям и законной цели, объединяемых часто понятием необходимости ограничения (назовем эту необходимость в усеченном виде), предусматривает и чисто свои требования к ним: минимальность, оптимальная пригодность и размерность средства ограничения прав. В правовых позициях ЕСПЧ констатируется неисполнение какого-то одного или нескольких условий и делается вывод, необходимо или нет такое ограничение. Часто отмечается, что вмешательство не было соразмерно его цели, а потому оно не необходимо в демократическом обществе (применительно к статьям, содержащим ограничительные оговорки), а в остальных случаях показывается, что вмешательство необоснованно или средство непропорционально цели вводимых ограничений.

Так, критерий необходимости в демократическом обществе применительно к ограничению прав (вмешательству в права), закрепленный в ст. 10 ЕКПЧ, требует от суда установления того, было ли обжалуемое вмешательство обусловлено «настоятельной общественной потребностью», было ли оно соразмерным преследуемой правомерной цели, являются ли доводы, приведенные национальными властями в его оправдание, уместными и достаточными (Гринберг против России, судебное решение от 21 июля 2005 г., абзац 27). Примерно на эти же признаки указывается, по утверждению

исследователей данного вопроса [20], во всех решениях по ст. 10 Конвенции. Во всех других случаях, по утверждению Н.Н. Липкиной, подчеркивается, что должно быть «объективное и разумное обоснование и пропорциональность средства и цели, достижению которой они служат» [3, с. 144].

Следовательно, общественная потребность в ограничении и его соразмерность цели - главные содержательные показатели необходимого в демократическом обществе ограничения.

В юридической литературе первая составляющая рассматриваемого критерия (вызванное социальной или общественной необходимостью) определяется как «вмешательство, отвечающее неотложной социальной необходимости», корреспондирует требованию обоснованности и означает проверку наличия фактических оснований для осуществления государством вмешательства в гарантированные Конвенцией права. Свобода усмотрения государства в отношении требований обоснованности, по мнению авторов, очень широка [3, с. 149].

Применительно к нашему аспекту исследования вызванное социальной или общественной необходимостью соответствие фактическим обстоятельствам, названные и на нормативном, и на прецедентном уровне условия правомерности вмешательства означают не что иное, как обоснованность в первом случае закона, в том числе уголовного, социальными, криминологическими факторами при криминализации деяний [21; 22], во втором - при его применении и конкретными обстоятельствами. По утверждению Г.А. Гаджиева, «верховенство права - это… новая концепция правоприменения, а она требует социологизации права. Правосудие для принятия справедливых решений нуждается в обширной неправовой информации в виде социологических, экономических и иных данных» [18, с. 229]. Постановление ПВС РФ от 27 июня 2013 г. № 21 рекомендует судам при рассмотрении дел всегда обосновывать ограничение прав и свобод человека исходя из установленных фактических обстоятельств, а также иметь в виду, что

ограничение прав и свобод человека допускается лишь в том случае, если имеются относимые и достаточные основания для такого ограничения (п. 8). Деликтность уголовного и административного законодательства, кроме того, диктует необходимость обоснования закрепления и толкования признаков состава преступления в УК РФ психофизиологическими особенностями деятельности.

Изложенным доказывается обязательность (необходимость) проведения социальной, криминологической экспертизы любых нормативных правовых актов [23], тем более изменений УК РФ, как до их введения, так и после.

На вторую составляющую необходимого в демократическом обществе ограничения (преследующее законную цель) указывается в международных документах, конституциях государств [24, с. 132]: ограничения возможны для достижения целей, для которых они были введены. Так, в ст. 6 Сиракузских принципов толкование ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах (1984) следующее: «Никакие ограничения не должны применяться с иной целью, чем та, для которой они введены», т.е. пределом ограничений выступает поставленная перед ограничениями цель. Статья 18 ЕКПЧ тоже определяет пределы использования ограничений в отношении прав целями этих ограничений: «Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены». Для каждого из основных прав Конвенции о защите прав человека прописывается самостоятельный набор ценностей, в целях уважения которых эти права могут быть ограничены. Этим же критерием устанавливаются пределы ограничения прав гражданина и в ст. 55 Конституции РФ. Однако в ч. 3 указанной статьи названо шесть универсальных целей, для достижения которых возможно ограничение основных прав. Это защита 1) основ конституционного строя, 2) нравственности, 3) здоровья, 4) прав и законных интересов других лиц, 5)

обеспечение обороны страны и 6) защита безопасности государства. В возникающих вопросах определения целей ограничения того или иного конкретного основного права следует руководствоваться конвенционными положениями (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). В связи с этим неплохо бы закрепить цели и пределы ограничения для каждого права в Конституции РФ, но для этого нужны серьезные исследования конституционалистов.

ПВС в своем постановлении 2013 г. предлагает примерный их перечень, причем, только некоторых, в идентичной Конституции РФ терминологии. «Ограничение должно преследовать социально значимую, законную цель (например, обеспечение общественной безопасности, защиту морали, нравственности, прав и законных интересов других лиц)». Пожалуй, этот аспект больше касается конституционалистов в плане совершенствования Конституции РФ [17; 24], законодателя, так как этими требованиями доказывается необходимость обоснования концепции развития законодательства, уголовной политики. Однако если говорить о соответствии закона целям, которые названы в Конституции РФ, международных документах, применительно к каждому праву гражданина можно вести речь о правовом обосновании закона (законности). Что касается постановления Пленума Верховного Суда РФ, то он «осуществляет… судебный надзор… и дает разъяснения по вопросам судебной практики» (ст. 126 Конституции РФ). Значит, в постановлении ПВС РФ речь идет о соответствии конкретного ограничения конкретного права той цели, которая на- звана для конкретного права, в общей норме в Конституции РФ, в принципах права (общих положениях), конкретной отрасли права, более подробно раскрываемых в статьях международных документов, решениях Конституционного и Европейского судов. В конкретных жалобах применительно к конкретным обстоятельствам речь идет о соразмерности цели и средства, которая выделяется в качестве следующего условия правомерного ограничения прав человека.

Третьей составляющей необходимого в демократическом обществе ограничения является его соразмерность преследуемой легитимной цели. В постановлении ПВС РФ, в решениях ЕСПЧ часто используется термин «пропорциональный». Применительно к нашему исследованию корректнее применять термин «соразмерность», обозначающий соответствие ограничения цели и по содержанию, и в количественном соизмерении с конкретными обстоятельствами, и толковать ее (соразмерность) как соответствие вводимых ограничений не только их цели, но и сложившимся в обществе социальным реалиям. Как было отмечено, в п. 8 названного постановления ПВС внимание правоприменителей акцентируется и на этой (второй) составляющей данного критерия - если имеются относимые и достаточные основания для такого ограничения. Возможно, для акцентирования внимания именно на втором аспекте соразмерности используется термин «пропорциональность», поскольку ЕСПЧ, Конституционный Суд РФ проверяют соответствие и цели, и обстоятельствам, а Верховный Суд РФ компетентен давать рекомендации по толкованию судебной практики.

Европейский, Конституционный суды по жалобам граждан проверяют соразмерность средств и цели ограничения. Исходя из этих решений можно сделать вывод, что принцип соразмерности ограничений и выводимая из него формула о запрете чрезмерных ограничений означают, что допустимые по Конституции РФ и международным документам о правах человека ограничения должны по содержанию и объему соответствовать целям вводимых ограничений и могут применяться только для защиты иных равнозначных правовых ценностей. Так, применительно к ст. 1 Протокола № 1 о защите собственности в решениях Европейского суда неоднократно подчеркивалось, что ст. 1 требует наличия разумной соразмерности между используемыми средствами и поставленной целью, при этом условие считается невыполненным, если лицо подверглось «особому и чрезмерному обременению». В другом решении указывается, чтобы была разумная

соразмерность между используемыми средствами и той целью, на которую направлена любая мера, лишающая лицо собственности [4, с. 964-965]. В отношении экономических прав, свободы слова соразмерность ограничений определяется соблюдением баланса между общественным и частным интересом, эффективностью вводимых ограничений. Каждое ограничение свободы экономической деятельности по смыслу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ должно быть обосновано с учетом требований запрета излишнего администрирования.

При оценке необходимости и соразмерности ограничения следует особо учитывать тяжесть последствий принимаемого решения для затронутой стороны. К «тяжелым» ограничениям в области экономической деятельности относятся такие, которые запрещают кому-либо занятие определенным видом профессиональной деятельности или резервируют (монополизируют) какую-либо область экономической деятельности целиком за государством. Подобные ограничения могут приниматься только в том случае, если никакая из более легких мер не даст необходимого эффекта (в литературе одни авторы именуют как необходимость средства, другие - их минимальность); кроме того, при определении соразмерности нужно учитывать, сможет ли преследуемый общественный легитимный интерес действительно вытеснить затронутый частный интерес (именуется или как «баланс интересов», или как «пригодность средства» («подходящие средства» [25]). Это произойдет только в том случае, если приоритетному общественному благу потребуется за- щита от действительной опасности[9] [22]. Эти требования распространяются и на межотраслевое регулирование, и в рамках отрасли права как на диспозицию нормы, так и на ее санкцию, как на законодателя, так и на правоприменителя.

Таким образом, названные конституционные и международные требования к средству ограничения прав (в нашем аспекте - содержательные) обязывают законодателя и правоприменителя проводить экспертизу средств ограничения

[9] Решения российских и европейских судов - почему и как можно ограничивать права и свободы. URL: www.proobraz.ru.

на их соответствие условиям правомерного ограничения прав человека, особенно содержательным.

Нельзя также не отметить сложность и неразрешенность многих содержательных условий правомерного ограничения прав, особенно требования соразмерности. Названные нами условия правомерного ограничения прав человека войдут в программу изучения правовых позиций Конституционного Суда РФ в отношении правомерности ограничений прав человека в уголовной сфере (задача нашего следующего этапа исследования) и получат дальнейшее уточнение.

Библиография

1. Petzold H. The Convention and the Principle of Subsidiarity / H. Petzold // The European System for the Protection of Human Rights / ed. by R.St.J. Matscher, H. Petzold. - Boston: M. N.: Jhoff, 1993. P. 41-62.
2. Barnidge R.P. States' Due Diligence Obligations with regard to International Non-State Terrorist Organisations Post-11 September 2001: the Heavy Barden that States must bear / R.P. Barnidge // Irish Studies in International Affairs. 2005. Vol. 16. P. 103-125.
3. Липкина Н.Н. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека относительно свободы усмотрения государств при осуществлении вмешательства в права и основные свободы: дис. канд. … юрид. наук. М., 2008. 225 с.
4. Прецеденты Европейского суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г.: пер. с фр. / под ред. М. де Сальвиа. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 1072 с.

5. Cohen M. The Rule of Law as the Rule of Reasons [Electronic resource] / Mathilde Cohen // Archiv fur Rechts- und Sozialphilosophie. 2010. Vol. 96. Mode of access: http://works.bepress.com/mathilde_cohen/12.

6. Spreading Democracy and the Rule of Law?: The Impact of EU Enlargement on the Rule of Law, Democracy and Constitutionalism in Post-Communist Legal Orders / ed. by Wojciech Sadurski, Adam Czarnota, Martin Krygier. Springer, 2006. 390 p.

7. Дедов Д.И. Доктрины верховенства права и правового государства как методология философии права / Д.И. Дедов // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сб. ст. / под ред. В.Д. Зорькина, П.Д. Баренбойма. М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013. С. 260-271.

8. Dicey A.V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution / Albert Venn Dicey. 10th ed. L.: Macmillan & Co, 1959.

9. Вентер Ф. Верховенство права как глобальная мера конституционализма / Франсуа Вентер // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сб. ст. / под ред. В.Д. Зорькина, П.Д. Баренбойма. М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013. С. 76-94.

10. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен / В.Д. Зорькин. М.: Норма, 2013. 496 с.

11. Зорькин В.Д. Правовая трансформация России: вызовы и перспективы / В.Д. Зорькин // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сб. ст. / под ред. В.Д. Зорькина, П.Д. Баренбойма. М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013. С. 19-75.

12. Hamon F. Droit constitutionnel / F. Hamon, M. Troper. 30th ed. P., 2007. 905 p.

13. Gicquel J. Droit constitutionnel et institutions politiques / J. Gicquel, T.E. Gicquel. 25th ed. P., 2011. 792 p.

14. Stern S. Staatsrecht / S. Stern. 2009. 3. Aufl. 782 p.

15. Plokhova V.I. Justification of the Tortious Legislation by the RF / V.I. Plokhova // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Т. 8, № 3. С. 527-532.

16. Плохова В.И. Обоснование уголовного закона: социальные и правовые основы / В.И. Плохова. Саарбрюкен: Palmarium Academic Publishing, 2012. 200с.

17. Приходько Т.В. Случаи ограничения прав и свобод человека и гражданина на примере России и Германии: сравнительно-правовой анализ / Т.В. Приходько // Сибирский юридический вестник. 2012. № 1 (56). С. 129-132.

18. Гаджиев Г.А. Российская судебная доктрина верховенства права: 20 лет спустя / Г.А. Гаджиев // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сб. ст. / под ред. В.Д. Зорькина, П.Д. Баренбойма. М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013.С. 213-237.

19. Виноградов В.А. Правовое государство и верховенство права: доктрины, конкуренция юрисдикций, обеспечение правовой свободы. Позиции КС РФ в отношении правового государства // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сб. ст. / под ред. В.Д. Зорькина, П.Д. Баренбойма. М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013. С. 373-395.

20. Соболева А. Толкование понятия «ограничения, необходимые в демократическом обществе» в свете ст. 10 ЕКПЧ [Электронный ресурс] / Анита Соболева. Режим доступа: http://www.hrights.ru.

21. Плохова В.И. Обоснованный конвенционализм в уголовном праве / В.И. Плохова // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 2/1 (82). С. 136-139.

22. Права и свободы человека: каковы их ограничения: сб. материалов / отв. ред. Е.Н. Рахманова. М.: Точка опоры, 2003. 44 с.

23. Савдина Л.В. О необходимости принятия общего закона «О криминологической экспертизе нормативных правовых актов и их проектов» / Л.В. Савдина // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. Вып. 3 (26). С. 41-43.

24. Современный конституционализм: вызовы и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящен. 20-летию Конституции Рос.

Федерации, Санкт-Петербург, 14-15 нояб. 2013 г. / под ред. В.Д. Зорькина. М.: Норма, 2014. 480 с.

25. Maunz D. Grundgesetz / D. Maunz. 2009. 53. Aufl. 109 p.